

ИЗМЕНЕНИЕ ОБРАЗА РАЦИОНАЛЬНОСТИ В ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОМ КОНТЕКСТЕ

Историко-философский контекст представляет развернутый спектр различных форм рационального знания и способов познавательной деятельности. Все они обусловлены специфическими интеллектуальными запросами своего времени и требованиями социально-культурных и исторических реалий.

Философская методология научного познания на определенном этапе его развития фокусирует свое внимание на поиске достоверных оснований научного знания, которые и рассматриваются как критерии его истинности. Критический анализ этих оснований позволяет выявить удивительную мозаику гносеологической генеалогии, которая простирается в совершенно различных направлениях.

В античности различение «знания» и «мнения» в гносеологии Платона приводит к выделению теоретического знания в особый инструмент рефлексивного анализа обыденного мышления и словоупотребления. Особый мир платоновских идей и есть те особые основания, или «идеальные объекты», через которые идет постижение общего — Единого, Блага и единичного — конкретных вещей и явлений.

В Средние века мыслители, унаследовав многие идеи Платона, поиски истины свели к разрешению дилеммы: общее или единичное является основанием мира? Средневековая наука по-своему переосмысливает фундаментальные понятия античного научного познания, такие как: конечное и бесконечное, целевая и действующая причины, естественное и искусственное. Так, например, если «беспредельное» у греков есть атрибут Хаоса, лишенного формы, то «бесконечное» в Средние века есть атрибут наивысшей реальности — Бога. Отсюда «бесконечное» есть самый совершенный предмет постижения. В средневековой физике впервые появляется понятие бесконечно удаленной точки, а также понятие экстенсивной и интенсивной бесконечности при рассмотрении движения.

В эпоху Возрождения наблюдается синтез античного и средневековых стилей мышления. Античность подарила Возрождению весь свой спектр философских проблем и первых образцов теоретической науки, средневековая христианская традиция — представления о человеке и его разум

по образу и подобию Божественного и поэтому способного к рациональному постижению смысла бытия. Синтез этих двух традиций позволил определить основные ценностные ориентации последующих европейских научных программ. К их числу следует отнести ценность объективного и предметного знания, раскрывающего сущностные связи вещей, их природу и законы функционирования. Это не только стимулировало рост знания, но и открывало возможность систематического получения новых знаний, которые могли пригодиться лишь в перспективе. Самоценность объективной истины становится фундаментальным достижением научного познания Возрождения. Истины науки запрещено искажать в угоду другим, внешним для науки, ценностям (политическим, идеологическим, религиозным). А это уже условие для формирования развитой науки и тех оснований научной рациональности, которые отличают ее от других форм познания мира.

Развитие опытного естествознания в эпоху Нового времени актуализирует ценность данных наблюдения и эксперимента. Научно-теоретическое мышление специализируется на поиске достоверных оснований для оценки экспериментальной деятельности познающего субъекта. И эти основания обнаруживаются в разных сферах.

Для Ф. Бэкона критерием истинности являются факты опыта, не замутненные никакими логическими, теологическими и математическими элементами. Он создал метод или органон как руководство к надежному и плодотворному опыту. Неловкое и не привыкшее к опыту, человечество получает от него правила и законы научного экспериментирования. Но ум Бэкона не довольствуется внешней стороной явлений, а стремится познать их причины и даже причины причин. Его интересует качество вещей. А так как качество в природе есть лишь предмет чувственного ощущения и восприятия, а предметом мышления оно становится лишь опосредованно, Бэкон и указывает математике подчиненное место в изучении природы.

Р. Декарт начинает с сомнения как необходимого условия и способа достигнуть познания определенных и надежных принципов, позволяющих избавиться от предрассудков. Главнейший предрассудок, по его мнению, относится к существованию чувственных вещей. В качестве оснований истинного знания он предлагает истины интеллектуальной интуиции и абсолютизирует независимость теоретических конструкций от эмпирии. Сверяя всякое знание с идеалом математической строгости, рационалисты вслед за Декартом признают дедуктивный метод как единственно научный. Антитеза рационализма и эмпиризма, как двух концепций философии и методологии, во многом определила последующее развитие науки и философии.

Крайности рационализма и эмпиризма пытался устранить И. Кант. Он

открывает перед нами недостижимый мир априорного, задающий контуры возможного научного знания. В изначальных априорных формах им интерпретируется и материал опытных данных. Источником кантовского априоризма служит следующее обстоятельство: научное исследование всегда начинается не с пустого места, ему предшествуют некоторые обобщенные представления о данном предмете познания и о том, как он должен выступать в системе сложившегося к этому моменту научного знания. Априорные основания науки определили его исследовательскую программу — он создал универсальный образ науки, являющийся рефлексией «над» современным ему механистическим естествознанием.

Между научной теорией и реальностью за пределами сознания Кант обнаружил обширный пласт конструктивной деятельности субъекта. Проводя резкую грань между феноменальным бытием как предметом научного познания и сферой вещей в себе, недоступной науке, он противопоставит трансцендентальное эмпирическому. Кант сохранит в неизменном виде и главную посылку рационализма — сферу «чистого разума». Его концепция «чистого разума» не позволяет преодолеть противоположность эмпиризма и рационализма и стимулирует дальнейшее развитие спекулятивной метафизики у Гегеля.

Кантовские априорные формы мысли Гегель назовет «категориальными определениями мысли» и нарисует захватывающую картину формообразующей активности мышления в процессе его имманентного развития. Гегель исследует и способы познания в зависимости от работы с этими логическими формами мышления, обозначая их как два типа мышления — «рассудок» и «разум». Рассудок ограничен пределами конкретного познавательного цикла, разум преодолевает ограниченность рассудка, превращаясь в диалектическое мышление. Логика у Гегеля образует структуру реальности, изменить которую не в силах даже сам Бог, который есть не что иное, как логический порядок мироздания. Обожествление логики приводит его к учению о тождестве мышления и бытия.

Преодолеть это тождество попытается К. Маркс, который во всеохватывающем синтезе гегелевского Абсолютного духа увидит отражение исторического процесса предметно-чувственной деятельности человека. Рассматривая материально-практическую деятельность как основу познания и критерий истинности знаний, Маркс представит весь контекстуальный и методологический каркас науки как ее интеллектуальную проекцию. Учение Маркса разделяет оптимизм рационалистов относительно возможностей разума. Разум, очищенный от предрассудков, дает объективные знания, что и обеспечивает ему господство над природой. Такая установка определяет и роль науки и техники в жизни общества, формирует убеждение в принципиальной возможности рациональной организации социальных отношений.

В XX в. методологические установки рационализма наиболее адекватно проявили себя в научно-исследовательской программе логического позитивизма. В этот период наука переживает прогресс, который выражается в приближении чувственно данного мира к логико-математическому. Логике отводится роль Органона новой картины мира. Огромный смысловой сдвиг, благодаря которому ставятся новые универсальные задачи в области научного познания, обеспечивает логике особый статус в философской аналитике знания. Философия приобретает лингвистическую ориентацию, постепенно превращаясь в концепцию философии как логического анализа языка. Но реальная наука оказалась сложнее, и все попытки заключить ее в простую логическую схему не увенчались успехом.

Нереализуемость позитивистской программы заставила исследователей искать другие модели построения знания. Представители нового течения—«философии науки»—М. Полани, Т. Кун, С. Тулмин, П. Фейерабенд ищут ключи к моделям рациональности в истории науки. Т. Кун считает, что язык, разрабатываемый позитивизмом, если и применим, то только для периодов «нормальной науки», определяемых принятием общей парадигмы, и нет никаких согласованных логических и методологических концепций, позволяющих предпочесть одну из них. Поскольку приверженность одной, а не другой зависит от личных и групповых условий, то невозможно эти парадигмы ни описать, ни оценить в чисто логических терминах.

Для С. Тулмина единицами становятся уже не теории или парадигмы, а отдельные понятия. Он выдвигает теорию «концептуальной эволюции» и отрицает возможность логического анализа развивающихся понятий, так как логические критерии предполагают концептуальную стабильность. Это не соответствует науке как таковой: первичные структуры науки выявляются только в процессах, ведущих к концептуальному изменению. В своем философском кредо С. Тулмин близок к П. Фейерабенду, который считает применение логического анализа насилием над историей.

П. Фейерабенд отказывается принять допущение, что конкурирующие теории всегда можно подвергнуть формальному сравнению друг с другом, чтобы принять одну и отбросить другую. Для него знание всегда включено в исторический контекст. Все реально существующие структуры науки имеют различное происхождение, отсюда и возможность непознанных оценок существующих теоретических систем. Фейерабенд настаивает на необходимости радикального пересмотра основных понятий и категорий методологии науки. Он считает их длительный успех не признаком преимущества или показателем истины, которую наконец обнаружили, а результатом неспособности нашего разума найти соответствующие

альтернативы. Под сомнение ставится не только достоверность отдельной методологической конструкции, но любой методологии в целом. Методология, как ему кажется, должна ориентироваться на определенный идеал человеческой личности и анализировать науку в соответствии с ним (1).

Концепция «методологического анархизма» Фейерабенда пытается объяснить прогресс в любой научной теории (атомизм в античности, кинетическую теорию, квантовую, или волновую, теорию света в недавние времена) тем, что ученые либо решили не связывать себя определенными «очевидными» методологическими правилами, либо потому, что непреднамеренно нарушали их. Его реконструкция науки связана с принципами «прочности» и «пролиферации», которые отвечают реально существующей динамике и статике научных знаний. Функция принципа прочности состоит в предотвращении упрощенного понимания процедуры опровержения теории. Как известно, абсолютная согласованность теорий по отношению к контрпримерам нередко служит показателем ее прогрессивности. Прочность теорий обеспечивает преемственность в развитии науки.

Принцип пролиферации ориентирован на изобретение и разработку теорий, которые не совместимы с общепринятой точкой зрения, даже если эта последняя оказывается в высшей степени подтвержденной и повсеместно принятой. Выдвижение новых теорий, не совместимых ни с принятыми ранее теориями, ни с установленными фактами, Фейерабэнд называет «контриндуктивной процедурой». Этот термин взят для того, чтобы подчеркнуть отличия его концепции от неопозитивистской, которая всегда содержит индуктивистские интерпретации соотношения теории и эмпирического базиса и кумулятивные концепции научного прогресса.

Для Фейерабенда научные теории — это способы видения мира, и их принятие воздействует на наши общие убеждения и ощущения и вследствие этого — также на наш опыт и нашу концепцию реальности. Явление и высказывание о явлении слиты вместе и разделить их можно только в абстракции. Подобное единство — результат обучения с детства. Проверка теорий и понятий опытом, уверенность ученых, что именно здесь имеется прочный фундамент знания, вызывает у Фейерабенда достаточно скептическую реакцию.

В условиях длительного господства позитивистской традиции анализа науки понятно стремление представителей «новой философии науки» обогатить методологию науки, включить в нее социальные и социально-психологические факторы. На смену позитивистской парадигме приходит новая модель развития научного знания, которая раздвинула поле исследования и четко сформулировала проблему смены научных теорий в истории науки. Все эти радикальные сдвиги в представлениях о мире и процедурах его исследования сопровождались формированием новых философских оснований науки.

Идея исторической изменчивости научного знания, относительной истинности вырабатываемых в науке онтологических принципов соединялась с новыми представлениями об активности субъекта познания. Он рассматривался уже не как изолированный от изучаемого мира, а как включенный в него, взаимодействующий с ним. Эвристические возможности науки оказались связаны с его способностью творить новые смыслы.

Современная наука, используя результаты исследований А. Эйнштейна, Н. Бора, И. Пригожина, В. И. Вернадского, объявила мир многомерной системой, способной к самоорганизации. Полнота его описания и постижения не обеспечивается прежними установками, закреплявшими проактивное отношение человека к бытию и ограниченными установкой на ценностную нейтральность науки. Ценностная нейтральность науки — не ее характерное свойство, а продукт и результат мировоззренческих и методологических предписаний, определенных конкретной картиной мира.

Новые онтологические принципы соединяются с новыми представлениями об активности субъекта познания. Поливариантность человеческого бытия — объективная основа для выработки различных ценностных ориентаций, в том числе и в сфере научного творчества.

Изменение образа рациональности и появление неклассических форм знания во многом обязано философии. Философию перестает удовлетворять рационализм в его классическом варианте уже в середине XX в., когда он начинает ее рассматривать только как методологию познания: научного, этического, религиозного и т. д. В этом случае философская мысль редуцируется к методу.

Методологическая экспансия философии и науки с позиций рационалистической модели научного знания приводит к тому, что истина становится инструментальной. И весь энтузиазм научного поиска направляется на выявление логически оправданных процедур получения истинного знания. Философы и ученые ограничиваются лишь гносеологической трактовкой истины, т. е. рассматривают ее относительно познавательной сферы человеческой деятельности. А научное познание фокусируется на поиске и обнаружении объектов, обладающих определенными смысловыми характеристиками. Поиск завершается определением этих объектов в формально заданные конструкции языка науки, исследование которого дает информацию о мире реальном.

Это не могло устроить философов, ориентированных на постижение экзистенциальных проблем человека, общества и культуры, и их критика в адрес сторонников гносеологической трактовки истины высветила проблемы, достойные философской рефлексии. В результате в смысловом поле философской культуры наметилось понимание истины как высшего мерила отношения человека к миру, поскольку философия призвана

удовлетворять не только методологические запросы науки, но и духовные искания человека. Однако эти искания претерпели и претерпевают удивительные метаморфозы.

Разочарование в классических представлениях о разуме и истине одних мыслителей толкает в антисциентизм, возлагающий на науку и ее технологическое использование всю ответственность за нарастающие глобальные проблемы. Другие соблазняются постмодернистскими настроениями и демонтируют весь классический концептуальный каркас. Классические категории замещают их антиномиями: Я — Другим, Разум — Телесностью, Познание — Молчанием, Существование — Смертью субъекта. Постмодернистское увлечение Безмолвием означает не только умерщвление философии как рационального знания, но и представляет своеобразную реакцию на новый этап отчуждения человека от Бога, Природы, Себе подобного.

В XX в. все пласты познавательной активности субъекта становятся доступны философской рефлексии. Не оставлена без внимания и сфера иррационального, обращение к которой оказалось заманчивым даже для логиков. Так, К. Поппер отстаивает точку зрения, согласно которой выдвижение теории (эмпирической гипотезы) есть неуловимый иррациональный психический процесс, не имеющий никакого отношения к логике, логика лишь подтверждает гипотезу. Поппер признает интуитивизм основополагающим принципом при выдвижении гипотез.

Э. Гуссерль — создатель «Логических исследований» и борец против психологизма пройдет удивительный путь к трансцендентальному *Ego* в поисках идеи «подлинной науки». Его поворот к трансцендентальной субъективности и трансцендентальной онтологии становится обретением радикального и универсального метода: «Я» в чистой форме схватываю себя как «Я» вместе с чистой жизнью своего сознания, в которой и через которую объективный мир является миром для меня». Редукция мира к чистому сознанию превращает его свойства и качества в артефакты. Таким образом, основания «подлинной науки», с позиций гуссерлианского трансцендентализма, — это невероятные абстракции, предшествующие и миру, и субъекту. Реализация абстракций не осознается нами, она уходит в основание нашего «физического» (чувственного) знания. Но именно на этих основаниях, на этих абстракциях вырастает наша возможность формулировать какие-либо физические законы. Устойчивый интерес к иррационализму в современной философской культуре есть, по-видимому, реакция на понимание невозможности найти универсальные рациональные процедуры для описания и понимания мира.

Радикальные изменения в основаниях науки, в ходе которых рождается новая постнеклассическая наука, приводят к постепенному стиранию жестких разграничительных линий между различными областями

научного и гуманитарного знания. Среди объектов современной науки все больше становится таких, в которые включен в качестве компонента сам человек. При изучении таких объектов поиск истины оказывается связанным с определением стратегии и возможных направлений преобразования объекта, что непосредственно затрагивает гуманитарные ценности. Научное познание начинает рассматриваться в контексте его социального бытия, культурно-исторических традиций и применительно к миру человеческих ценностей. Гуманистические ориентиры становятся все более и более актуальными для развития научного познания, определяя стратегию научного поиска. Новая научная программа представляет органическое соединение рационального и ценностно-ориентационного способов научного мышления. Она связана с качественной перестройкой содержания и методов современной науки и духовной культуры ее создателей.

¹ *Feyerabend D. K. Against Method: Outline of Anarchistic Theory of Science. Vol. V. Minnesota, 1971. P. 22.*